

«Пустое место» или место памяти? Инновационный центр «Сколково» в устных нарративах

КАШКИНА АННА АЛЕКСЕЕВНА ^[1]

ORCID: 0009-0004-8287-1586

✉ aakashkina@edu.hse.ru

^[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

МИХАЙЛОВСКАЯ ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА ^[1]

ORCID: 0009-0004-9596-7042

✉ vmikhaylovskaya@hse.ru

^[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

ПАРШАКИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ^[1]

ORCID: 0009-0001-3770-2511

✉ taparshakina@gmail.com

^[1] Независимая исследовательница

ТАРАСОВА ПОЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ^[1]

ORCID: 0009-0000-5250-1200

✉ florapolya@mail.ru

^[1] Независимая исследовательница

Заметки посвящены исследованию конкуренции и сосуществованию нарративов о прошлом территории, на которой расположен инновационный центр «Сколково». Авторы анализируют пересечения и противоречия между публичным образом «Сколково» как проекта, созданного «на пустом месте», и альтернативным нарративом, сохраняемым местными жителями и сотрудниками Научно-исследовательского института сельского хозяйства (НИИСХ ЦРНЗ). Основу исследования составили интервью, архивные материалы и данные цифровой этнографии, собранные в рамках проектной мастерской НИУ ВШЭ «Историческая память города» и проекта «Народная история России» в 2023–2025 годах.

Ключевой фокус работы — анализ того, как различные акторы (СМИ, государственные институты, сотрудники НИИ, местные жители) конструируют память о месте. Публичный нарратив, продвигаемый в медиа, представляет «Сколково» как инновационный кластер, возникший «с чистого листа», что позволяет дистанцироваться от советского наследия и подчеркнуть ориентацию места на будущее. В противовес этому альтернативный нарратив, поддержива-

емый НИИ, акцентирует историческую преемственность территории, связанную с сельскохозяйственными исследованиями, экспериментальными полями и градообразующей ролью института в советский период. Параллельно с альтернативным нарративом существует городской фольклор, освещающий более раннюю историю территории «Сколково», который также рассматривается авторами заметок.

Особое внимание уделяется материальности, обеспечивающей устойчивость нарративов. Например, здания НИИ, архивные фотографии и продолжающаяся научная деятельность поддерживают альтернативную версию прошлого, тогда как медийные ресурсы и инфраструктура «Сколково» усиливают доминирующий нарратив. Городской фольклор воспроизводится без ориентации на материальные объекты, что не мешает его сохранению, но влияет на гибкость и рассеянность образов места.

Ключевые слова: память о месте, инновационный центр «Сколково», НИИ сельского хозяйства, альтернативный нарратив, городской фольклор, материальность памяти

Благодарности

Авторы выражают сердечную благодарность жителям исследуемых районов Москвы и Московской области за предоставленную информацию для анализа. Также авторы благодарят коллег по проекту за возможность использования общих данных, необходимых для написания этого текста, и Дарью Радченко за руководство проектом и ценные замечания.

Исследование выполнено в рамках совместной проектной мастерской НИУ ВШЭ «Историческая память города» и проекта «Народная история России» (pastandnow.ru).

Для цитирования статьи:

Кашкина, А. А., Михайловская, В. А., Паршакина, Т. А., Тарасова, П. А. (2025). «Пустое место» или место памяти? Инновационный центр «Сколково» в устных нарративах. *Фольклор и антропология города*, VII(2), EDN: LYMHQW. 96–122.

“Empty space” or a place of memory? Skolkovo Innovation Center in oral narratives

ANNA A. KASHKINA ^[1]

ORCID: 0009-0004-8287-1586

✉ aakashkina@edu.hse.ru

^[1] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

VARVARA A. MIKHAYLOVSKAYA ^[1]

ORCID: 0009-0004-9596-7042

✉ vmikhaylovskaya@hse.ru

^[1] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

TATIANA A. PARSHAKINA ^[1]

ORCID: 0009-0001-3770-2511

✉ taparshakina@gmail.com

^[1] Independent researcher

POLINA A. TARASOVA ^[1]

ORCID: 0009-0000-5250-1200

✉ florapolya@mail.ru

^[1] Independent researcher

This study examines the competing and coexisting narratives about the past of the territory where the Skolkovo Innovation Centre is located. The authors analyze the intersections and contradictions between the public image of Skolkovo as a project built “from scratch” and a locally preserved alternative narrative maintained by residents and employees of the Research Institute of Agriculture. The research is based on interviews, archival materials, and digital ethnography conducted within the framework of the HSE project workshop “Urban Historical Memory” and the “People’s History of Russia” project (2023–2025).

The key focus of the study is how various actors — media, state institutions, research institute employees, and local residents — construct the memory of the place. The public narrative, promoted in the media, portrays Skolkovo as an innovation cluster emerging from a “blank slate”, distancing it from its Soviet heritage and emphasizing a future-oriented agenda. In contrast, the alternative narrative, maintained by the Research Institute, stresses the historical continuity of the territory, linked to agricultural research, experimental fields, and the institute’s foundational role in local urban development during the Soviet era. Alongside this narrative, the study also explores urban folklore addressing the earlier history of the Skolkovo area.

Special attention is given to the materiality that sustains these narratives. The buildings of the research institute, archival photographs, and ongoing scientific activi-

ties reinforce the alternative version of the past, while media resources and Skolkovo's infrastructure amplify the dominant narrative. Urban folklore — though untethered from material objects — persists due to its flexibility and dispersion, shaping multiple perceptions of the place.

Keywords: memory of place, Skolkovo Innovation Center, Research Institute of Agriculture, alternative narrative, urban folklore, materiality of memory

To cite this article:

Kashkina, A. A., Mikhaylovskaya, V. A., Parshakina, T. A., Tarasova, P. A. (2025). "Empty space" or a place of memory? Skolkovo Innovation Center in oral narratives. *Urban Folklore & Anthropology*, VII(2), 96–122. (In Russian). EDN: LYMHQW.

В 2023 году, будучи студентами бакалаврской программы НИУ ВШЭ, мы выбирали место для небольшого прикладного исследования в рамках проектной мастерской по изучению исторической памяти в Подмосковье. Курс подразумевал сбор материалов для проекта «Народная история России»¹ и подготовку на их основе цифрового продукта — интерактивной карты, подкаста или лонгрида. Оставляя продуктивную часть проекта за скобками, в заметках мы стараемся сосредоточиться на данных, которые нам удалось собрать для «Народной истории России».

Проект специализируется на поиске и документировании устных историй жителей России об их городах, домах и семьях. В основе проекта лежит концепция «непубличной памяти»: образ города складывается из личного опыта и частной памяти конкретных людей и семей, которые обычно не присутствуют в публичном образе места [Петрова 2021]. Материалы, собранные для «Народной истории России», стали основой для книг и будущих инициатив. Например, в 2020 году инициатива «Историческая память» получила развитие в виде проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», а в результате экспедиций были опубликованы книги и статьи о народной истории Советска [Радченко, Петров 2021], Сортавала [Матвеева, Петров, Радченко 2021; Матвеева 2021], Новозыбкова [Петров, Гаврилова, Радченко 2021] и других приграничных городов [Петров 2021]. Также авторы проекта выпустили сборник рекомендаций по сбору интервью, связанных с устной историей места, и работе с ними [Петров, Матвеева, Байдуж, Петрова, Радченко, Рычкова 2019].

На одном из первых занятий мастерской мы изучали карту «Народной истории России» в поисках пространства недалеко от Мо-

¹ <https://pastandnow.ru/>

сквы, еще не исследованного командой проекта. Одним из таких пространств оказалась территория в районе инновационного центра «Сколково» — значимого для федеральной медийной повестки российского технологического кластера. Поскольку профилем нашей мастерской были исследования памяти, нам показалось интересным соотнести неизвестное нам прошлое места с его настоящим и будущим, которое символизирует инновационный центр. Помимо этого, нас интересовали опыт и личная память жителей окрестных территорий, которые могли бы сделать наше описание поля более «насыщенным».

В качестве методов сбора данных мы выбрали полуструктурированные интервью по гайду «Народной истории России», адаптировав вопросы под конкретную территорию исследования. Чтобы нащупать нарративы памяти и подготовиться к полевой работе, мы воспользовались инструментарием цифровой этнографии: провели анализ публичных репрезентаций «Сколково» и близлежащих населенных пунктов, изучили краеведческие ресурсы и социальные сети. Нашей первой «находкой» и отправной точкой исследования стал медийный образ инновационного центра как «иннограда “на пустом месте”»². Мы провели 7 интервью с жителями территорий, окружающих Инновационный центр, в октябре 2023 года — марте 2024 года: в основном, мы затронули Новоивановское, а также Трехгорку и Немчиновку.

Прошлое «пустого места»

Современные границы инновационного центра — это около 400 гектаров, ограниченных МКАД, Минским и Сколковским шоссе в Можайском районе Москвы. Однако такие границы района сформировались лишь с созданием технологического кластера. Это побудило нас обратиться к архивным материалам по этой территории до возникновения на ней инновационного центра.

«Сколково» расположено на месте нескольких поселений, крупнейшими из которых были Мамоново, находившееся на Смоленской (ныне Можайской) дороге, и деревня Сколково [Лекомцев, Заика 2012: 22]. Первые сведения о деревне относятся ко второй половине XVI века. Владельцы этих территорий постоянно сменяли друг друга, так, например, в 1701 году деревня была продана князю Меншикову, который построил поблизости свое имение [Насырова, Хайруллина, Гафурова 2015: 56].

Интересным нам показалась также территория пустоши, или урочища «Гусева полоса», которое, согласно краеведческой справ-

² <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2013/12/27/pochemu-innograd-stroyat-v-skolkovo.aspx>

ке, появляется на картах во второй половине XIX века. С приходом советской власти там образуется совхоз и строится усадьба в неоклассическом стиле, которая в 1960-х стала домом отдыха «Баковка» (более позднее название — «Полет») [Лекомцев, Заика 2012: 28–29]. Имение располагается на территории инновационного центра «Сколково» и сейчас. Здание было в аварийном состоянии, пока в 2021 году не завершилась его реставрация:

Дом отдыха «Полет»... Он так и назывался — «Полет». <...> Это был дом отдыха для летчиков и космонавтов. <...> Когда я начала работать [в НИИ], там часто проводились конференции, там роскошный был конференц-зал, современнейшее здание³.

Вот усадьба, Дом отдыха «Полет», если теперь она правда принадлежит... отошла Москве в связи со «Сколково», с образованием «Сколково». Там жили люди, которые работали в нашем зональном институте. Он относился к зональному институту. <...> Очень красивая усадьба⁴.

Помимо этого, в советское время в деревне Сколково и ее окрестностях были дачи многих известных советских деятелей, в том числе полководца С. М. Буденного, чьи конюшни располагались недалеко от современной территории инновационного центра:

А это в 60-х каких-то годах по этим полям всегда... Катался, здесь Буденный, у него тут была конюшня. <...> Вот этот Буденный с своим детеночком [показывает на фотографию из архива (см. Рис. 1)]. С сыночкой. Уже поздний у него ребенок был⁵.

Таким образом, мы задались вопросом о состоянии исторической памяти этого места: с одной стороны, в медиа создается впечатление, что история и память о территории, на которой расположено «Сколково», не выходят за пределы XXI века. С другой, карты и исторические записи говорят об обратном.

Мы продолжили «прощупывать» найденное противоречие, обратившись к онлайн-архиву фотографий Pastvu⁶ и материалам первых полевых выездов на территорию инновационного центра (см. Рис. 7). На Pastvu пользователи активно делились фотографиями и воспоминаниями о сельскохозяйственной инфраструктуре: скотном дворе имений начала XX века, коровнике 1952 года. Ключевой точкой сосредоточения фотографий советского периода стал Научно-исследовательский институт сельского хозяйства (далее —

³ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

⁴ Информант 2, ж., 1947 г. р., житель Немчиновки.

⁵ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

⁶ <https://pastvu.com/>

НИИ сельского хозяйства, НИИ), его корпуса, лаборатории и, главное, экспериментальные поля, которые ранее занимали внушительную часть нынешней территории кластера (см. Рис. 2–4). Так, это то, что всегда упоминается и местными жителями, и работниками НИИ как основная особенность местности вокруг в прошлом.

Там, где «Сколково», где сейчас новые дома стоят за школой, это все-все-все... Туда, если идти через Пожарку. Вы не поверите, но это все были засеянные опытные поля. Там росла пшеница, рожь. То есть НИИ сельского хозяйства нечерноземной зоны. Еще лет пять-семь-восемь [назад] оно [поля] существовало, когда я приехала. Засевали поля, собирали урожай, проводили опыты, теплицы стояли в полях⁷.

А раньше это был полноценный научно-исследовательский институт, где находились поля. А еще, кстати, был интересный момент в моей жизни. Вы знаете, где пруды там за фермой дальше? Там находилось учебное поле, на котором делались какие-то интересные опытные всхождения то ли гороха, то ли... Помню, что это были бобовые. И бобовые обычно атакуют то ли вороны, то ли галки. И моя задача заключалась в том, что я приходил в четыре-полпятого утра летом на этот участок и должен был заниматься тем, что отпугивать этих пернатых птиц. Это 4–5 класс. <...> Я зарабатывал за это деньги⁸.

В округе были поля. Здесь недалеко от Москвы, два километра от Москвы, вдоль Можайского шоссе слева и справа были поля пшеницы, ячменя, овса, ржи. [Еще где «Сколково»?] <...> Да, 250 гектар было под зерновыми культурами. Зерновыми и зернобобовыми культурами⁹.

НИИ сельского хозяйства: институция и актор памяти

Следующим этапом стало установление контактов с самим НИИ. В феврале 2024 года был первый выезд в НИИ, а следующие — весной 2025 года, чтобы добрать информацию, связанную непосредственно с историей НИИ. Нам удалось собрать 6 интервью с сотрудниками института. Рекрутинг происходил методом снежного кома: после первых контактов с представителями НИИ нам порекомендовали встретиться с несколькими сотрудниками с большим стажем, которые застали позднесоветский период и первые десятилетия постсоветского времени. Также мы побывали на

⁷ Информант 3, ж., 1971 г. р., житель Новоивановского.

⁸ Информант 4, м., 1963 г. р., житель Москвы.

⁹ Информант 5, ж., 1963 г. р., сотрудник НИИ.

Рис. 2. Здание Лаборатории искусственного климата. Фотография М. Ивановой. Архив ФИЦ «Немчиновка»

Fig. 2. The building of the Laboratory of Artificial Climate. Photo by M. Ivanova. Archive of the Federal Research Center “Nemchinovka”

Рис. 3. Опытные поля. Фотография М. Ивановой. Архив ФИЦ «Немчиновка»

Fig. 3. Experimental fields. Photo by M. Ivanova. Archive of the Federal Research Center “Nemchinovka”

Рис. 4. Опытные поля. Фотография М. Ивановой. Архив ФИЦ «Немчиновка»
Fig. 4. Experimental fields. Photo by M. Ivanova. Archive of the Federal Research Center
 “Nemchinovka”

конференции в «кластере»¹⁰ НИИ в Сколковском институте науки и технологий (Сколтех), где сейчас расположена часть лабораторий, требующих нового оборудования и технологий, и на интервью в главном здании. Одна из собеседниц провела нам экскурсию по территории бывших корпусов и теплиц, а также по музею, где хранятся архивные документы и фотографии. Во время интервью с работниками НИИ мы следовали адаптированному гайду проекта «Народная история России», но большее внимание уделяли истории самого института и практикам сотрудников.

Начиная разговор о деятельности нынешнего селекционного центра, мы расспрашивали собеседников о жизни НИИ в советское и раннее постсоветское время. Во время первых интервью мы столкнулись с перформативным нарративом о роли института для исследуемого района, в котором сплелись усвоенная память и ностальгия по значимости селекционного центра. Собеседники рисовали нам образ НИИ как кузницу высококвалифицированных кадров советской селекции и «градообразующую»¹¹ организацию:

¹⁰ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

¹¹ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

вокруг института строился и расширялся «специальный поселок, созданный для научных работников»¹².

[В советские годы] Строили для сотрудников и для ученых дома. <...> Там шикарные квартиры. Они назывались «сталинские застройки». Вот эти трехэтажные дома, они из того же кирпича, что и этот корпус¹³ сделан. Получается, что институт был, как сейчас говорят, градообразующим предприятием. Здесь больше другой работы практически не было¹⁴.

Уместно кратко упомянуть историю НИИ сельского хозяйства. В 1931 году на основе Московской селекционной станции был создан Селекционный центр для Центрального района Нечерноземной зоны, позднее переименованный в Научно-исследовательский институт сельского хозяйства центральных районов Нечерноземной зоны (НИИСХ ЦРНЗ). Основная часть работы и исследований сотрудников была связана с животноводством, селекцией и семеноводством зерновых, зернобобовых и кормовых культур. Уже в постсоветские годы НИИСХ ЦРНЗ был преобразован в Федеральный исследовательский центр «Немчиновка» (ФИЦ «Немчиновка»), который и сейчас продолжает исследования сельского хозяйства¹⁵:

Институт-то наш, считается, был образован в [19]32 году. Это была такая программа правительства, чтобы на различных таких вот территориях создавались центры научные. И на этих базисах создавался и селекцентр у нас. Знаете, что такое селекцентр, да? Это, значит, те, которые потом занимались конкретно селекцией сортов. Тогда много самокультур было, а сейчас, в основном, мы ориентируемся на зерновые культуры¹⁶.

Постсоветское время для наших собеседников ассоциируется со множественными трансформациями НИИ, которые пережили и другие научные институции в стране. Одна из них — это существенное сокращение финансирования, повлекшее за собой потерю важного оборудования, требующего специального обслуживания в зимний период:

Вы знаете, когда началась перестройка, конечно, очень было ограничено финансирование. Были даже годы, когда задерживались зарплаты, они были очень минимальные, но это даже... Для ученых это еще можно было бы выдержать, но,

¹² Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

¹³ Первое здание НИИСХ ЦРНЗ, построенное в 1931 году. Сейчас фасад обновили, в самом здании располагается миграционный центр. Адрес: улица Калинина, 1, рабочий поселок Новоивановское (см. Рис. 5, б).

¹⁴ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

¹⁵ <http://ficnemchinovka.ru/page28527582.html>

¹⁶ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

Рис. 5. «Здание “Научно-исследовательского института сельского хозяйства центральных районов Нечерноземной зоны” (НИИСЗ ЦРНЗ), построенное в 1931 году». Фотография М. Ивановой. Архив ФИЦ «Немчиновка»

Fig. 5. “The building of the Scientific Research Institute of Agriculture of the Central Regions of the Non-Black Earth Zone, built in 1931”. Photo by M. Ivanova. Archive of the Federal Research Center “Nemchinovka”

Рис. 6. Первый корпус НИИ сельского хозяйства, где сейчас располагается паспортно-визовый сервис МВД России. Фотография А. Кашкиной

Fig. 6. The first building of the Agricultural Research Institute, where the passport and visa service of the Russian Ministry of Internal Affairs is currently located. Photo by A. Kashkina

тем не менее, многие молодые, особенно, люди, они уходили, уезжали за рубеж, самые лучшие, если честно. Остались уже такие самые, можно сказать, преданные этому делу люди. Не только, значит, был у нас фитотрон¹⁷, но еще не хватало средств на отопление, на освещение, потому что это же все очень дорого. Они [теплицы и здания НИИ] разрушались. Потому что, если тепличный такой комплекс не отапливается, особенно в снежные зимы, происходят из-за снега обрушения территории. Мы потеряли тогда фитотрон¹⁸.

Другая — изменение рабочей повседневности вследствие нескольких переездов между старыми корпусами и выделения институту помещений в Сколковском институте науки и технологий несколько лет назад:

[А когда первый корпус перестал функционировать, который, где миграционка сейчас?] Подождите, сейчас я вспомню, в каком это году... при каком же это директоре? Я точно не могу сказать, где-то уже в 2005. [А почему [НИИ переехал из него]?] Потому что тоже не смогли его содержать. Дорого было. И там же старый был корпус, там перекрытия были деревянные, пожарные были всякие ограничения, поэтому нами было решено отдать его¹⁹.

У нас был разборочный корпус, селекццентр, главный корпус. Но поскольку действительно сейчас людей сократилось, если раньше работало по 20 человек в отделе, ну или по 15, то сейчас все это уже до 5 сократилось человек, по минимуму²⁰.

Один из последних переездов был связан с административной реорганизацией — объединением в 2003 году нескольких ранее отдельных институтов, крупнейшими из которых были НИИСХ ЦРНЗ и ВНИПТИХИМ (Всероссийский научно-исследовательский и проектно-технологический институт химизации сельского хозяйства) под общим названием ФГУП «Немчиновка».

Это было здание [корпус ВНИПТИХИМа, в котором проходит интервью (см. Рис. 7, 8)], которое принадлежало раньше, был еще другой институт — ВНИПТИХИМ. Осталась выставка. А потом, значит, было объединение, этот институт объединили вместе с нами, тоже где-то в начале 2000-х. Ну

¹⁷ Закрытая исследовательская теплица, используемая для изучения взаимодействия растений с окружающей средой в регулируемых искусственных условиях.

¹⁸ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

¹⁹ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

²⁰ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

и мы совсем по разным направлениям работаем, это химический такой был²¹.

Немчиновка — это научный городок. Тут было три сельхозинститута. Сейчас остался один наш институт²².

Несмотря на общее направление исследований — сельское хозяйство, — деятельность институтов была разной, соответственно, и корпуса изначально проектировались и строились под разные задачи. Подобные переезды неизбежно связаны с необходимостью адаптироваться к другой инфраструктуре и обустройству лабораторий. Кроме того, если в советские годы, по воспоминаниям сотрудииков, большая часть жителей поселка была связана с местными сельскохозяйственными институциями, то в настоящее время ФИЦ «Немчиновка» утратил градообразующий статус из-за сокращения кадров и некомпактного расселения новых сотрудников по ближайшим районам Подмосковья и Москвы. Многие объекты инфраструктуры также перестали принадлежать НИИ: например, бывшее общежитие, квартиры в котором выдавались сотрудникам института, было приватизировано.

Все было в шаговой доступности. Большая часть, насколько я знаю, сотрудников на тот момент, но сейчас уже не так много, проживали непосредственно в этом поселке. То есть все в шаговой доступности, было очень удобно. <...> А вот здесь, получается, вот это кирпичное здание рядом. Там было... То есть что-то такое типа физкультурно-оздоровительного комплекса. Но на тот момент, когда я пришел, это уже у сотрудников не было возможности туда попасть²³.

Летом из Москвы приезжаем, у нас тут воздух был, у нас же сонны. Прямо вот выходишь и чувствуешь, что даже воздух у нас другой. Такой был поселочек. Ну был, но Москва растет. <...> Здание было построено как общежитие, но потом квартиры приватизировали²⁴.

[А если сравнивать поселок тогда (в 1975 году), когда в первый раз были (на студенческой практике), и сейчас — сильная разница?] Да, конечно. Понимаете, когда я сюда приехала, это был райский уголок, потому что работали очень увлеченные люди, женщины. Он был весь в цветах. <...> Очень чисто было. И тогда небольшой такой поселок, мы все друг друга знали. Конечно, вот сейчас этих домов настроили, и все, конечно,

²¹ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

²² Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

²³ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

²⁴ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

Рис. 7. Корпус ВНИИПТИИМ, где располагается ФИЦ «Немчиновка».

Фотография П. Тарасовой

Fig. 7. The VNIIPТИИМ building, where the Federal Research Center “Nemchinovka” is located. Photo by P. Tarasova

Рис. 8. Корпус ВНИИПТИИМ, где располагается ФИЦ «Немчиновка».

Фотография П. Тарасовой

Fig. 8. The VNIIPТИИМ building, where the Federal Research Center “Nemchinovka” is located. Photo by P. Tarasova

поменялось. Уже вот этого эффекта, что создано для научных работников, его нет. Мы уже, как бы сказать, как инородное тело, получаемся, на самом деле²⁵.

Приведенный выше фрагмент интервью позволяет зафиксировать не только ностальгию сотрудников по прошлому института и поселка, но и важную социальную трансформацию: некогда камерное научное сообщество «для своих», воплощенное в пространстве поселка, превратилось в обычный населенный пункт.

Много народу работало, очень много. Что научных сотрудников, что вот такого [административного] состава. Потому что институт реально был большой. Лабораторий было много, направлений много. Здесь даже было садоводство и овощеводство. Вот так. Так что охватывали все... Вообще, есть в аграрной науке практически все направления. Зерно, молоко, мясо, корма, травы²⁶.

В тот момент [примерно в 2005 году] основной корпус находился тут же, в поселке одноименном нашем. Рядом находился, так мы его называли между собой, разнорабочий корпус, то есть корпус для таких работ, скажем, пыльных, грязных. Рядом находилась — и сейчас там же есть — трехэтажная теплица, и там же помещение, где мы занимаемся первичным семеноводством, то есть, так мы их называем, хозяйственные помещения, где производилась и сейчас тоже производится подработка семян, хранение семян, в общем, такие моменты. Ну и поля, естественно, все наши основные, так как основное, что для нашей работы нужно, это поля²⁷.

Рассказывая нам историю института, сотрудники непременно упоминали, что они не первые занимаются сельским хозяйством на этой территории: в дореволюционное время здесь располагалось имение помещика Лемана, который с XIX века развивал «сельскохозяйственную науку». Нарратив преемственности можно встретить в следующем фрагменте:

А история здесь началась, буквально недавно мы тоже на эту тему общались, был помещик Леман здесь, это конец XIX века. То есть началась эта работа в плане такой опытной сельскохозяйственной науки еще с него. Он здесь, представляете, заложил на этих землях дренажную систему. Даже когда здесь работы велись, остатки той дренажной системы находили. То есть человек был настолько в этом смысле увлеченный, что

²⁵ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

²⁶ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

²⁷ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

поля были очень окультуренные у нас, уже когда мы здесь занимались²⁸.

Так, НИИ сельского хозяйства существенно трансформировался в постсоветский период, с одной стороны, и сохранил преемственность научной деятельности и памяти, с другой. Мы предлагаем определять его не в качестве единого актора внутри района, а как кристаллизованную структуру взаимосвязанных акторов, объединяющую несколько институций²⁹, темпоральностей и локальностей. Эта структура формирует относительно единый нарратив о прошлом, особенно связанный со строительством инновационного центра «Сколково».

Прошлое и настоящее территории инновационного центра «Сколково»

Вернемся к инновационному центру «Сколково». Его история началась в 2009 году, во время президентского срока Дмитрия Медведева, который в ежегодном обращении к Парламенту высказал идею о создании российского технологического кластера³⁰. Изначально «Сколково» должен был стать аналогом Кремниевой долины, однако затем из-за геополитической ситуации и опыта реализации проекта от такого сравнения отказались. Территория в Одинцовском районе, которую мы рассматриваем, была лишь одним из кандидатов в качестве места для возведения кластера. На опытные поля около НИИ сельского хозяйства выбор места пал год спустя, в 2010 году. Сами поля вынужденно перенесли в деревню Сколково.

Для наших собеседников-сотрудников института земельный перенос — это один из травмирующих мотивов, связанных со «Сколково», в том числе из-за качества грунта и оборудованности ушедших под инновационный центр полей:

[В нулевые годы, получается, были поля в «Сколково»? А куда потом делись эти поля?] Да, было принято решение на тот момент. Президентом был Дмитрий Анатольевич Медведев. Я уж не знаю, почему был выбран именно этот участок наш. Здесь порядка 330 гектаров в общей сложности, насколько я знаю. У нас, так скажем, нас попросили их [поля] [уступить]... Как на тот момент считалось, более каким-то, наверное, лучшим развитием для страны был именно этот инно-

²⁸ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

²⁹ Современный ФИЦ «Немчиновка» — результат множественных институциональных трансформаций: от Московской селекционной станции, Селекционного центра для Центрального района Нечерноземной зоны, Научно-исследовательского института сельского хозяйства центральных районов Нечерноземной зоны до Федерального исследовательского центра «Немчиновка».

³⁰ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979>

вационный центр «Сколково». В общем, по сути, отобрали, если так по-простому выразиться³¹.

Было четыре, значит, варианта, где разместить это «Сколково». Ну и она [бывший министр сельского хозяйства] приехала [смотреть варианты]. Ну, вы понимаете, что тут зимой могло быть? Ну, какие поля там, да? Ну, ферма стояла. А ферма была только-только года 4 как реконструирована, новейшая. <...> в нее вбухали, по-моему, больше 70, около 80 миллионов тогда, а она проработала лет 5, и приехала [бывший министр сельского хозяйства]. <...> Ну там, говорит, ничего особенного. Место хорошее, близко к Москве, все. Да, и получается типа нецелевое использование земель, что мы там зимой ничего не посеяли³².

Все территории переведены в «Сколково». Потому что «Сколково» сказало: «Мы забираем вот эту территорию, даем вам там [в деревне Сколково] территорию». Но там территория не совсем обустроена, хотя мы ее тоже облагородили. Следим за этими полями³³.

Тем более нас фактически выкинули просто в чисто поле. Нам обещали финансирование, что мы там свою базу сможем развивать. Но до сих пор у нас даже электричество не проведено на эту территорию. То есть там какими-то кустарными методами, чтобы хоть охрана была там, чтобы, условно, чайник какой-то кипятить. А так, здесь, когда у нас сезон идет с подработкой семян, у нас стоят достаточно мощные генераторы. То есть гул такой серьезный в поселке [Сколково] стоит³⁴.

Когда этот проект «Сколково» [появился], мы потеряли самые лучшие, уже выровненные, очень такие, ценные площади, которые выравнивались на протяжении достаточно длительного времени [сотрудниками НИИ]³⁵.

Если для НИИ земля является, в первую очередь, источником научного знания, из которой оно производится, то для выросшего на этой земле кластера — это почва под фундаменты зданий, не связанная напрямую с наукой. Такая диспозиция способствует, с одной стороны, формированию конфликта между институциями, но с другой стороны, сотрудничеству двух научных организаций. Как мы ранее упомянули, ФИЦ «Немчиновка» и ИЦ «Сколково» связаны друг с другом: в начале 2020-х годов в Сколковский институт науки и технологий переехали несколько лабораторий института, по мнению сотрудников,

³¹ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

³² Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

³³ Информант 5, ж., 1963 г. р., сотрудник НИИ.

³⁴ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

³⁵ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

в качестве компенсации за «взятые»³⁶ у него поля (Рис. 9, 10). Несмотря на это, компенсация считается недостаточной: новые офисные и лабораторные помещения не так ценны для наших собеседников, как непосредственная близость опытных полей к НИИ:

Когда мы освобождали уже те помещения со старой территории ввиду того, что здесь «Сколково» взяло вот эти земли, ну, вот так вот решили, что здесь будет. И нам выделили [помещения] в «Сколково», у нас там [в Сколтехе] свой кластер. «...» То есть минус первый этаж, первый, второй, третий. У нас там вот такие этажи. А земли все были здесь, их перенесли. Наши земли — это самое главное средство производства в аграрии, в землях, конечно. Офисы — это уже второстепенно³⁷.

В «Сколково» [Сколтехе], значит, кабинеты есть, там компьютеры. Но, понимаете, туда очень трудно [попасть], там охрана, если какие-то для анализа образцы, допустим, надо заказывать. Машины туда особо не пускают. Тяжело там работать. Особенно очень трудно работать там, где опыты технологические, потому что поля далеко и не очень выровненные и, как бы сказать, почва там не совсем нас устраивает³⁸.

Рис. 9. Вход в лаборатории ФИЦ «Немчиновка» в Сколтехе.

Фотография В. Михайловской

Fig. 9. Entrance to the laboratories of the Federal Research Center “Nemchinovka” in Skoltech. Photo by V. Mikhaylovskaya

³⁶ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и хранитель музея НИИ.

³⁷ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

³⁸ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

Рис. 10. Экскурсионный уголок ФИЦ «Немчиновка» в Сколтехе.

Фотография В. Михайловской

Fig. 10. Exhibition corner of the Federal Research Center “Nemchinovka” in Skoltech.

Photo by V. Mikhailovskaya

Однако не стоит считать, что среди жителей ближайших населенных пунктов — Новоивановского, Немчиновки, Трехгорки и пр. — существует консенсусное мнение о негативных последствиях строительства технологического кластера. За пределами НИИ сельского хозяйства постепенно возникающая в 2010–2020-е годы инфраструктура воспринимается по-разному. Одна из собеседниц высказала предположение о том, что к инновационному центру положительно относится скорее «молодое население»³⁹, не связанное воспоминаниями с прошлым этой территории. Такой взгляд на «Сколково» предполагает, что некогда, действительно, пустое пространство использовалось ограниченным числом людей: рыбаками для ловли рыбы, сотрудниками НИИ для выращивания сельскохозяйственных культур. С постройкой инновационного центра территория стала предрасполагать к более широкому набору практик и, соответственно, стала привлекать больше людей:

³⁹ Информант 8, ж., 2004 г. р., житель Одинцово.

«Сколково» — удобное пространство для всяких встреч, прогулок просто и до станции [МЦД], и беговых тренировок. Лично я отношусь к «Сколково» очень положительно, как и мои все знакомые. Ну, что в этом плохого? Мы, честно говоря, даже не помним, что там было раньше. Потому что само «Сколково», оно же строилось очень долго. С 2012 года, так что практически всю мою жизнь там что-то строится. Ну, насколько я знаю, там раньше были поля с картошкой, с капустой. <...> Один рыбак рассказывал нам, что их в школьные годы отправляли собирать капусту, лук, морковку, которые там росли. И вот это такие детские воспоминания. Понятно, что старшему поколению оно [новое «Сколково»] не нравится⁴⁰.

Однако предположение нашей молодой собеседницы о взаимозависимости возраста и точки зрения на «Сколково» оказалось не совсем верным: похожее описание доступности и разнообразия инфраструктуры инновационного центра мы встретили в интервью со старожилами района. Интересно заметить, что конструируемый образ кластера связан не с его целевым назначением, а с его аффордансами для местных жителей как места для встреч, прогулок, приятного транзитного пространства:

У нас, во всяком случае, народ не ропщет по поводу «Сколково». Ни мы, ни — я так понимаю — в соседней деревне, ни Марфино. Очень часто, когда мы гуляем, видим, что мамочки с колясками [гуляют], кто-то на роликах, кто-то на велосипедах [катается]. То есть народ пользуется территорией «Сколково», если кому-то надо⁴¹.

Мы очень рады, что он [инновационный центр «Сколково»] есть. Жаль, что он за забором! <...> «Сколково» для меня ценно ощущением простора. Вот туда заходишь, и вот такой простор. Все эти построенные многоэтажные дома, они, конечно, сжимают это [пространство]. А там именно ощущение простора, там есть, чем дышать⁴².

Концептуализация кейса

Чтобы рассмотреть феномен «Сколково» на теоретическом уровне, вернемся к публичному представлению проекта инновационного центра — истории о проектировании и реализации инфраструктуры или, пользуясь эмным языком, экосистемы. При

⁴⁰ Информант 8, ж., 2004 г. р., житель Одинцово.

⁴¹ Информант 9, ж., 1949 г. р., житель Новоивановского.

⁴² Информант 10, ж., 1953 г. р., житель Новоивановского.

внимательном прочтении тематических публикаций 2010–2020-х годов — в первую очередь, интервью с так называемыми лицами, принимающими решения, — возможно выявить две точки зрения на местоположение «Сколково». Одна из них убеждает нас в том, что инноград (как его называют в СМИ) построен на пустом месте, в «чистом поле»⁴³:

...создатели проекта хотели выбрать местность без внятного бэкграунда, на которой можно было бы начать историю нового города «с чистого листа». Возможно, именно это обстоятельство оказалось решающим⁴⁴.

Задача такой репрезентации заключается в переносе акцента с прошлого места на его будущее. При этом важно брать во внимание, что метафора «чистого листа» используется не для замалчивания истории местности и ее «бэкграунда». С большей вероятностью PR-менеджеры и лица, принимающие решения, стремятся выделить инновационный центр из общего ряда наукоградов России и разорвать преемственность с советской инфраструктурой, которая ассоциируется с риском устаревания и потенциальными социальными конфликтами:

...площадка, построенная «с нуля», становится свободной от проблем и противоречивого влияния среды, сложившейся в советское время, а сам проект — более открытым к восприятию мирового опыта⁴⁵.

Другая, реже встречающаяся точка зрения представляет инновационный центр как инфраструктуру вне конкретных географических координат — модно и, можно сказать, очень по-антропологически. Маркетинговая задача, опять же, заключается в создании уникального образа «Сколково» как социального института без четко очерченных территориальных границ, формируемого через сеть взаимодействия людей, идей и технологий:

Сколково — это не территория, это философия, сказал когда-то Жорес Иванович Алферов, наш великий нобелевский лауреат, стоявший у истоков проекта... Несмотря на весь скепсис, на потоки негатива, мы верили и не отступали. И наша мечта стала реальностью⁴⁶.

⁴³ <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2013/12/27/pochemu-innograd-stroyat-v-skolkovo.aspx>

⁴⁴ <https://rewizor.ru/society/stati/skolkovo-iz-neprimechatelnoy-derevushki-v-ultrasovremenny-naukograd/>

⁴⁵ <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2013/12/27/pochemu-innograd-stroyat-v-skolkovo.aspx>

⁴⁶ <https://tass.ru/interviews/8625219>

Эти точки зрения или способы репрезентации объединяются в целостный публичный нарратив о «Сколково» как о проекте, в котором география не играет ключевой роли. Однако мы предлагаем рассуждать о нем как о конкретной инфраструктуре в географически определенном месте, у которого есть не только будущее, но и настоящее и, более того, прошлое.

Публичный нарратив об инновационном центре, транслируемый в СМИ, демонстрирует пример трансформации пустого места в наполненное [Филиппов 2008, 23]: оно насыщается разнообразной материальностью — зданиями, сетью дорог, ландшафтными и цифровыми решениями — и, следовательно, широким набором практик. По крайней мере, это подразумевается в рамках такого нарратива. Выход за его пределы и проведение полевого исследования показали, что существует альтернатива. В пространственном измерении вокруг «Сколково» расположены населенные пункты, жители и институциональные акторы которых также пользуются созданной инфраструктурой, производя и воспроизводя аффордансы места [Gibson 2014]. С точки зрения фокуса наших полевых заметок — темпорального восприятия — в конструировании прошлого места задействовано большее количество акторов, чем это подразумевает публичная репрезентация: те же жители, социальные институты и другие гетерогенные сети, выходящие за пределы «Сколково» (будь то географические или социальные границы) и преследующие другие интересы. В социальной памяти место расположения инновационного центра, как мы показали, не является «чистым листом»: оно связывается с деятельностью НИИ сельского хозяйства, рекреационными практиками — рыбалкой и прогулками, ностальгией по советскому, городским фольклором о дворце Меншикова, сталинских дачах.

Описанная картина не представляет собой противостояние доминирующего нарратива (*master narrative*) и его периферийных вариаций [Somers 1994]. Мы имеем дело с публичным нарративом, обладающим большей силой (*power*) за счет медийности, материально ощутимой инфраструктуры и федеральной институциональной поддержки. У него есть ресурсы для приписывания идентичности акторам, попадающим в его поле, и самому месту [Joenniemi 2008]. Помимо него существует множество альтернативных нарративов, один из которых воспроизводится НИИ сельского хозяйства и благодаря институциональной поддержке и сохранившейся инфраструктуре стал наиболее видимым в нашем поле исследования. Так, мы говорим о социальном пространстве памяти, образованном множеством нарративов. Внутри этого пространства памяти нам интересно пересечение и несоответствие нескольких репрезентаций прошлого конкретного места.

Трансформация пустого места в инновационный центр, которая конструируется в публичном нарративе, в альтернативном становится обратным процессом преобразования: искусственным очищением места от наполненности прошлым [Филиппов 2008: 23]. Утрата НИИ материальной территории — опытных полей, теплиц и части корпусов — и роли доминирующего научного актора в рассматриваемом нами поле позволяет говорить о формировании в таком нарративе места памяти как формы коммеморации в меняющихся условиях среды [Нора 1999: 26]. Не углубляясь в формы поддержания национальной памяти и оставаясь в рамках заданного поля, мы можем обратиться к трактовке места памяти Поля Рикера. Прошлое территории, ныне принадлежащей «Сколково», — это не просто символ ушедшей эпохи советской селекции. Оно действительно проявляет себя в виде «опорных пунктов воспоминания» — сохранившихся зданий, появляющегося местного музея, экскурсий и преемственности деятельности НИИ, — которые в синтезе с самими воспоминаниями, то есть мнемоническими практиками, образуют *ars memoria*, искусство памяти [Рикер 2004: 68]. Как нам кажется, именно под этим термином скрывается форма существования прошлого «Сколково» в рассматриваемом альтернативном нарративе.

Заключение: публичный образ, альтернативный нарратив и городской фольклор

Восприятие места в общественном сознании часто основывается на мифах и легендах, формирующих публичный нарратив [Assmann 2011]. Этот тезис справедлив и для нашего кейса: СМИ создали образ незаполненного пространства, на котором возник кластер. Во время полевого исследования и анализа материалов мы выявили альтернативный, менее распространенный нарратив, связанный с прошлым места — «заполненный лист» в противовес «чистому»⁴⁷. Исследование параллельных локальных историй, с помощью которых различные акторы формируют народную память, позволяет понять, как работают механизмы создания и сохранения нарративов. Возникает вопрос: почему нарратив про «пустое место» известный, а альтернативный, имеющий материальные подтверждения и носителей, — нет.

Публичный нарратив о территории ИЦ «Сколково» упрощает историческую реальность, сводя память о месте к набору акторов, ассоциирующихся с этим местом [Лефевр 2015: 23–24]. Так появилась рассмотренная нами репрезентация инновационного центра

⁴⁷ <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2013/12/27/pochemu-innograd-stroyat-v-skolkovo.aspx>

как новой инфраструктуры, возникшей в «чистом поле» несмотря на то, что эта территория с раннего советского времени была местом производства знания. Альтернативный нарратив, сформированный сотрудниками НИИ сельского хозяйства, остается вне публичного внимания и проявляет себя для внешней аудитории только по особому поводу — во время исследовательских интервью, школьных экскурсий или профильных конференций по селекции.

Формирование публичного нарратива из городского фольклора. Найденный на предполевом этапе нашей работы фольклорный нарратив о территории «Сколково», который существует в цифровой и краеведческой среде, формируется на основе устно передаваемых историй, мифов и легенд [Ассман 2004, 37–39]. Такие элементы, как упоминания о дворце Меншикова, конюшнях маршала Буденного и сталинских дачах, являются частью этого нарратива. Он отличается мифологическим характером и гибкостью: вариативностью и адаптацией к контексту и носителю, что позволяет ему воспроизводиться, несмотря на отсутствие официальных источников. Таким образом, городской фольклор выступает как динамичная форма коллективной памяти, формирующая еще одну плоскость восприятия территории [Неклюдов 2003: 5–14].

Непубличный нарратив, проявление альтернативной истории, история НИИ, рассказанная сотрудниками. Сотрудники НИИ стали посредниками в хранении и передаче памяти о деятельности института, выступая как элементы кристаллизованной структуры, в рамках которой формируется образ прошлого места, сосредоточенный вокруг самого института. Сохранение и воспроизводство альтернативного нарратива обеспечивается институциональной преемственностью самой организации и ее сотрудников, материальными артефактами НИИ (зданиями, документами, фотографиями, картинами), а также профильной инфраструктурой (полями, семенами, выведенными сортами сельскохозяйственных культур).

Почему этот нарратив не существовал за пределами НИИ? Непубличный нарратив об этой территории, связанный с деятельностью НИИ сельского хозяйства, ограничен в своем распространении: он не нацелен на замену публичного нарратива и является узкопрофильным [Неклюдов 2003: 12]. Одновременно с этим, хотя нарратив слабо распространяется в социальном измерении, он способен расширяться пространственно, увеличивая территорию НИИ до всех регионов России, где выращивают сорта, выведенные в институте. Таким образом, сам нарратив редко проявляется за пределами стен НИИ, но расширяет социально-материальную структуру института.

В каких формах и контекстах проявляется нарратив работников НИИ? Одна из наиболее значимых форм проявления альтернативного нарратива — это воспоминания, передающиеся в устной

форме между поколениями сотрудников. Они часто содержат описания рабочих процессов или практик сотрудников, как в рабочее, так и в личное время. Например, истории о доярке, установившей рекордные надои, или об уникальных экспериментах, проведенных в лабораториях, служат яркой иллюстрацией этого нарратива:

Были рекордные надои. Зоя Ивановна Загороднева <...>, она практик, а они теоретики. Вот они что-нибудь внедрят, свеклу [например]. Тогда сахарную свеклу стали коровам давать. Она первая придумывала, как она [корова] это съест, и рубила им [свеклу], и те [коровы] наяривали. То есть [надои были] выше нормы⁴⁸.

Здесь работали над технологиями зерна. <...> У них такой агрегат мукомольный стоял, он сортировал зерно на 12 фракций. Девчонки так жалели, так он нас выручал. Сейчас новое оборудование, но это еще бы 100 лет проработало⁴⁹.

В чем особенность выявленного альтернативного нарратива? В поле нам удалось выявить несколько вариаций памяти о прошлом территории «Сколково»: городской фольклор об усадьбах и дачах известных исторических личностей и альтернативный нарратив НИИ сельского хозяйства. Они различаются как по своим источникам, так и по формам воспроизводства. Фольклор основывается на мифах и легендах, которые передаются устно и не требуют документального подтверждения. Его носителями являются широкие слои населения, что способствует его популярности [Неклюдов 2003: 5–21]. В то же время репрезентация прошлого, которую производит НИИ сельского хозяйства, базируется на задокументированных событиях и воспоминаниях сотрудников, что делает ее более точной, но менее доступной. Оба нарратива оказывают значительное влияние на восприятие территории инновационного центра, но делают это по-разному. Городской фольклор формирует общее представление о месте, делая его более привлекательным для широкой аудитории, тогда как альтернативный нарратив, оставаясь в тени, сохраняет более детальное описание места, основывающееся на материальности пространства.

Литература

Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.

⁴⁸ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

⁴⁹ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

- Лекомцев, М. Г., Заика, И. К. (2012). Сколково. История и памятники. *Вестник Зодчий*. 21 век, 4 (45), 22–29.
- Лефевр, А. (2015). *Производство пространства*. М.: Strelka Press.
- Матвеева, Э. Г., Радченко Д. А., Петров Н. В. (2021). *Город в историях людей – Сортавала*. М.: Неолит.
- Матвеева, Э. Г. (2021). Народная история Сортавалы в рассказах местных жителей. *Фольклор и антропология города*, 2021(1–2), 42–74. <https://doi.org/10.22394/26583895-2021-4-1-42-75>
- Насырова, И., Хайруллина, А., Гафурова, С. (2015). Классика и модерн: традиции и инновации новой Москвы – усадьба «Гусева полоса» в Сколково. *Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата*, 4(12), 54–69.
- Неклюдов, С. Ю. (2003). Фольклор современного города. В С. Ю. Неклюдов (Сост.). *Современный городской фольклор*. М.: РГГУ.
- Нора, П. (1999). Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. В П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. *Франция-память*, 17–50. Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Петров, Н. В., Матвеева, Э. Г., Байдуж, М. И., Петрова, Н. С., Радченко, Д. А., Рычкова, Н. Н. (2019). *Истории людей в цифровом формате: методические рекомендации по сбору и визуализации интервью*. М.: Неолит.
- Петров, Н. В., Гаврилова, М. В., Радченко, Д. А. (2021). *Город в историях людей – Новозыбков: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Петров, Н. В. (2021). «Две границы, три столицы»: народная история российских городов. *Фольклор и антропология города*, 2021(1–2), 7–11.
- Петрова, Н. С. (2021). Олимпиада, данная нам в ощущениях (по материалам проекта «Народная история России»). *Шаги/Steps*, 7(1), 136–150. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-136-150>
- Радченко, Д. А., Петров, Н. В. (2021). *Город в историях людей – Советск: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Рикер, П. (2004). *Память, история, забвение*. М.: Издательство гуманитарной литературы.
- Филиппов, А. (2009). Пустое и наполненное: трансформация публичного мест. *Социологическое обозрение*, 8(3), 16–29.
- Assmann, A. (2011). *Cultural memory and Western civilization: Functions, media, archives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson, J. J. (2014). *The ecological approach to visual perception: Classic edition* (1st ed.). New York: Psychology Press.
- Joenniemi, P. (2008). Introduction by guest editor: Russia's narrative resources. *Journal of International Relations and Development*, 11(2), 121–127. <https://doi.org/10.1057/jird.2008.9>
- Somers, M. (1994). The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach. *Theory and Society*, 23(1994), 605–649. <https://doi.org/10.1007/BF00992905>

References

- Assmann, A. (2004). *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. М.: Языки slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Assmann, A. (2011). *Cultural memory and Western civilization: Functions, media, archives*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Filippov, A. (2009). Empty and filled: transformation of a public place. *Sociological Review*, 8(3), 16–29. (In Russian).
- Gibson, J. J. (2014). *The ecological approach to visual perception: Classic edition* (1st ed.). New York: Psychology Press.
- Joenniemi, P. (2008). Introduction by guest editor: Russia's narrative resources. *Journal of International Relations and Development*, 11(2), 121–127. <https://doi.org/10.1057/jird.2008.9>
- Lefebvre, A. (2015). *The Production of Space*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Lekomtsev, M., Zaika, I. (2012). Skolkovo. History and monuments. *Vestnik. Zodchij. 21 vek*, 4(45), 22–29. (In Russian).
- Matveeva, E. G. (2021). The folk history of Sortavala in the stories of local residents. *Urban Folklore & Anthropology*, 2021(1–2), 42–74. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/26583895-2021-4-1-42-75>
- Matveeva, E. G., Radchenko, D. A., Petrov, N. V. (2021). *City in people's stories – Sortavala: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Nasyrova, I., Khairullina, A., Gafurova, S. (2015). Classic and Modern: traditions and innovations of new Moscow – Guseva Stripe estate in Skolkovo. *Mir iskusstv: Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikovariata*, 4(12), 54–69. (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu. (2003). Folklore of the modern city. In S. Yu. Nekliudov (Comp.). *Modern urban folklore*. M.: RGGU. (In Russian).
- Nora, P. (1999). Between memory and history. The problem of memory locations. In P. Nora, M. Ozouf, J. de Puimezh, M. Vinok. *France-memory*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Petrov, N. V., Matveeva, E. G., Baiduzh, M. I., Petrova, N. S., Radchenko, D. A., Rychkova, N. N. (2019). *People's stories in digital format: methodological recommendations for collecting and visualizing interviews*. Moscow: Neolith. (In Russian).
- Petrov, N. V. (2021). “Two Borders, three capitals”: a folk history of Russian cities. *Urban Folklore & Anthropology*, 2021(1–2), 7–11. (In Russian).
- Petrov, N. V., Gavrilova, M. V., Radchenko, D. A. (2021). *The city in the stories of people – Novozybkov: Selected texts and methodological recommendations for interview collection*. Moscow: Neolith. (In Russian).
- Petrova, N. S. (2021). The Olympiad, given to us in sensations (based on the materials of the project “National History of Russia”). *Steps*, 7(1), 136–150. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-136-150>
- Radchenko, D. A., Petrov, N. V. (2021). *The city in the stories of people – Sovetsk: Selected texts and methodological recommendations for interview collection*. Moscow: Neolith. (In Russian).
- Riker, P. (2004). *Memory, history, oblivion*. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature. (In Russian).
- Somers, M. (1994). The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach. *Theory and Society*, 23(1994), 605–649. <https://doi.org/10.1007/BF00992905>